

АНТИЧНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В МЕДИЦИНСКИХ МОТИВАХ РОМАНА ФРАНСУА РАБЛЕ «ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ»

*Античная медицина, Гиппократ, Гален, Франсуа Рабле,
«Гаргантюа и Пантагрюэль»*

Рассмотрены античные реминисценции в медицинских мотивах романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

A.Z. Tsisyk

Minsk, Belarus

L.M. Tichonova

Ulyanovsk, Russia

ANCIENT REMINISCENCES IN MEDICAL MOTIFS OF FRANCOIS RABELAIS' NOVEL 'GARGANTUA AND PANTAGRUEL'

Antique medicine, Hippocrates, Galen, Francois Rabelais, 'Gargantua and Pantagruel'

Ancient reminiscences in medical motifs of Francois Rabelais' novel 'Gargantua and Pantagruel' are considered.

Франсуа Рабле, величайший художник французского Ренессанса, работал над своим романом «Гаргантюа и Пантагрюэль» в течение двадцати лет, с 1533 года до своей смерти в 1553 году. При всем богатстве тематики романа сквозь все его содержание красной нитью проходят мотивы медицины и врачевания. И это понятно, ибо автор романа обозначает в начале 3-й, 4-й и 5-й книг своего произведения, что это сочинение метра Франсуа Рабле, доктора медицины. Франсуа Рабле действительно принадлежал к кругу самых образованных и профессиональных врачей своего времени. Он окончил знаменитую медицинскую школу в городе Монпелье на

юго-востоке Франции. Духовно и интеллектуально эта школа больше остальных подобных учреждений Франции была связана с наследием древнегреческой медицины и ее самого яркого представителя Гиппократ, поэтому и латинский девиз этой школы восходит к имени основателя медицинской науки Европы: *Olim Hippocrates Cous nunc Monspeliensis* («Гиппократ, некогда житель Коса, теперь житель Монпелье») [Faculté de médecine de Montpellier].

Медицинское обучение и практика в Монпелье были основаны на письменных памятниках медицины, переведенных на арабский язык и сохраненных арабскими учеными. Эти медицинские трактаты были обогащены арабо-персидской наукой, включая, среди прочего, труды Авиценны, которые попадали в Европу благодаря арабской цивилизации кордовского халифата, занимавшей большую часть юга Пиренейского полуострова с 711 по 1492 годы, центром которой был город Кордова. Известно, что южнофранцузский город Монпелье и его медицинская школа активно поддерживали разносторонние связи с городами кордовского халифата. Благодаря изучению и творческому освоению античных медицинских знаний школа Монпелье пользовалась значительным авторитетом в эпоху Рабле и привлекала студентов со всей Европы. В частности, здесь учились Гийом Ронделе, ставший ректором медицинского университета Монпелье в 1556 году, Мишель де Ностредам, известный как прорицатель Нострадамус. Врач Ронделе упомянут в третьей книге Рабле под псевдонимом Рондибилис. А сам Рабле был студентом медицинского университета Монпелье с 1530 по 1537 год, там он получил докторскую степень и преподавал в этом университете до 1538 года. Студенты-медики Монпелье до сих пор отмечают память своего знаменитого предшественника, надевая на выпускном экзамене особую красную мантию, носящую почетное название «Рабле» [Там же].

Не будет преувеличением сказать, что авторитет медицинской школы Монпелье в немалой степени способствовал той уникальной ситуации в Европе XVI века, когда медицина заняла центральное место не только всех естественных, но и гуманитарных наук и когда, по заветам Гиппократ и Клавдия Галена, она почти отождествлялась с философией. В частности, Гиппократ в трактате «О благоприличном поведении» говорит: «Должно перенести

мудрость в медицину, а медицину в мудрость. Ведь врач-философ равен богу!» [Гиппократ 1936: 111]. Клавдий Гален посвятил отдельный трактат обоснованию того, что «настоящий врач – всегда философ», так как он должен обладать философским умением анализировать факты и делать умозаключения [Гален 2014: 101–107]. Гален всегда считал себя учеником Гиппократа, и он чаще других врачей цитирует его в своих работах, упоминая его более двух тысяч пятисот раз [Жак Жуана 1997: 390]. Все выдающиеся ученые-гуманисты эпохи Рабле изучали и знали медицинские трактаты Гиппократа и Галена, в соответствии с которыми пытались перенести мудрость в медицину и медицину в мудрость. Не удивительно, что врачами тогда были многие выдающиеся гуманисты и ученые, современники Рабле: Корнелий Агриппа Неттесгеймский, алхимик и оккультист, личность и деятельность которого вдохновила Гете на создание поэмы «Фауст», врач и химик Парацельс, математик Кардано, астроном Коперник [Бахтин 1990: 399]. Как отмечает французский исследователь творчества Рабле Жорж Лот, «в XVI веке наукой наук становится медицина, которая пользовалась тогда таким огромным влиянием и доверием, каких она уже не имела в XVII веке» [Lote 1938: 163]. Наряду с трактатами Галена, большой популярностью пользовались переведенные на латынь трактаты «Гиппократова сборника», который включал около 60-ти трудов не только самого Гиппократа, но и его последователей. Первое печатное издание «Гиппократова сборника» на латинском языке появилось в Риме в 1525 году, а через год в Венеции вышло и первое его издание на греческом языке. Поэтому Рабле имел возможность работать как с латинскими, так и греческими текстами данного сборника. Известно, что в 1531 году он вел в школе Монпелье курс по греческому тексту этого сборника, в июле 1532 года издает «Афоризмы» Гиппократа со своими комментариями, а в конце 1537 года комментирует изданный греческий текст трактата «Гиппократова сборника» «Prognostikón» (буквально «Относящееся к прогнозу»), где говорится о всех признаках, которые должен учитывать врач в случае острых болезней, чтобы сделать самый верный прогноз о развитии и исходе болезни [Бахтин 1990: 399]. С.Г. Ковнер в своем исследовании, посвященном медицинскому и научному наследию Гиппократа [Ковнер 1880–1882: 545–546],

отмечает: «Великое значение Гиппократ сказалось на его непреходящей популярности в постантической Европе и в том, что благодаря ему из всех наук древности только медицина сохранила свою индивидуальность и свои безупречные законы, основанные на точном наблюдении. Этому животворному духу гиппократизма обязано возрождение не только медицины, но и всей науки после глубокого мрака средневековья». И именно в контексте высказанных выше слов о Гиппократе следует, на наш взгляд, искать смысл следующих слов из письма Гаргантюа своему сыну Пантагрюэлю (кн. 2, гл.VIII): «закончилось пагубное и зловерное влияние готов, истреблявших всю изящную словесность. А ныне науки восстановлены, возрожден и греческий язык, не зная которого, человек не имеет права считать себя ученым».

Логично, что вместе с ростом интереса к греческой словесности и в целом к античной науке в эпоху Рабле растет интерес и ко всем вопросам медицины, а вместе с этим и к устройству человеческого тела. Именно Франсуа Рабле был тем первым врачом в Европе, который в 1537 году произвел публичное анатомирование трупа повешенного преступника, сопровождая свои действия медицинскими разъяснениями. Это дало основание поэту Этьену Доле, современнику и другу Рабле, отразить это незаурядное событие в небольшом стихотворении. В нем от лица самого повешенного прославляется его счастье: «ведь вместо того, чтобы послужить пищей птицам, мой труп помог демонстрации удивительной гармонии человеческого тела, и над ним склонялось лицо величайшего врача своего времени» [Бахтин 1990: 399].

Естественно, что такой же повышенный интерес к анатомии человека нашел многостороннее отражение и в самом романе Рабле. При этом в большинстве случаев, в соответствии с общей смеховой направленностью своего произведения, его автор преподносит анатомические мотивы с определенной долей смеха, иронии и юмора. Именно так, в частности, Рабле в главах XXX, XXXI и XXXII 4-ой книги передает читателю анатомические подробности строения тела Постника, царя острова под названием «Жалкий». Его персонаж Ксеноман сначала перечисляет 59 анатомических частей Постника от мозга до его детородных органов, затем 64 внешних органа от ребер до шерстинок на теле. После этого идет рассказ о парадоксальных тридцати пяти физиологических выделениях и

психологических реакциях Постника на внешний мир, каждая из которых материализуется, видимо, в соответствии с чаяниями их автора, в некие съедобные или приятные вещи. Например, если Постник потеет, то это треска со свежим маслом, если вздыхает, то это копченые говяжьи языки, если сморкается, то это соленые угри и т.д.

Хорошее знание анатомии автор романа демонстрирует в первой книге в сценах сражения брата Жана с пекарями короля Пикрохола. Так, в 44-й главе этой книги брат Жан саркастически говорит противнику: «Я вам сейчас вручу кардинальскую красную шапочку». И тут он «одним ударом рассек ему голову – пробил ему черепную коробку под самой височной костью, разворотил обе теменные кости вместе со стреловидным мостом и большею частью лобной кости, а заодно проткнул обе мозговые оболочки и глубоко проник в боковые желудочки, так что затылок, держась на одном только кожном покрове черепной надкостницы, повис над плечами наподобие докторской шапочки, черной снаружи и красной внутри».

При чтении текстов подобного содержания неизбежно вспоминаются сцены поединков героев поэмы Гомера «Илиады», в которых автор буквально живописует страшные сцены физических увечий, которые наносят врагу победители в схватке. Приведем один из примеров, которыми изобилует текст «Илиады» [Гомер 1986: 229]:

*Идомений Эримаса жестокою медью уметил
Прямо в уста, и в противную сторону близко под мозгом
Вырвалась бурная медь: просадила в потилице череп,
Вышибла зубы ему; и у падшего, выпучась страшно,
Кровью глаза налились; из ноздрей и из уст растворенных
Кровь изрыгал он, пока не покрылся облаком смерти...*

Нет сомнений, что Рабле, судя по его неоднократным ссылкам в своем произведении на Гомера, прекрасно знал текст «Илиады» и мог использовать его в изображении батальных сцен в своем романе. Но анатомические сведения Рабле использует и при изображении различного рода трагикомических бытовых ситуаций. Вот, в частности, рассказ Панурга о том, как он чудесным образом спасся от поджаривания на вертеле в турецком плену: «Хозяин дома всадил ему (поджаривателю Панурга) вертел чуть повыше пупка, ближе к правому боку, и пропорол третью долю печени, а затем острие

пошло вверх и проткнуло диафрагму, вышло же оно через сердечную сумку в плечевом поясе, между позвоночником и левой лопаткой (кн.2, гл. XIV).

Своеобразная трагикомическая «анатомизация» тела человека хорошо представлена и в сценах избиения братом Жаном врагов в XXVII-м разделе 1-й книги романа, где по существу представлено длинное и детализированное перечисление пораженных членов и органов, перебитых костей и сочленений. Одним из источников такого повышенного внимания к «анатомизированию» человеческого тела у Рабле М. Бахтин считает трактат «Гиппократового сборника» под названием «О седмирицах», где автор трактата метафорически рассматривает тело человека в виде частей как отдельных географических местностей в Греции [Бахтин 1990: 395], а также сцену с расчлененными телами птиц у Демокрита в письме Гиппократу Дамагету [Гиппократ 2008: 383]. М. Бахтин считает, что «Гиппократов сборник» и приложенная к нему переписка Гиппократов по поводу мнимого безумия Демокрита являлись важнейшими источниками не только ренессансных философско-врачебных взглядов Рабле о целебной силе смеха, но и всей системы его художественно-эстетических воззрений. Для Рабле смех является универсальным мирозерцательным началом, исцеляющим и возрождающим, который не отрицает серьезности, а очищает и восполняет ее [Бахтин 1990: 79–83, 137].

В свете этих воззрений на роль смеха автор романа уделяет пристальное внимание также и физиологии человека и слаженности действий частей тела. При этом чаще всего эти физиологические сведения, как и анатомические, даются в контексте какой-либо комической ситуации. Так, в 4-м разделе III-й книги Панург, стремясь оправдаться от обвинения в расточительстве имущества имения, подаренного ему Пантагрюэлем, излагает очень подробную картину сотрудничества всех органов человеческого тела, как бы отдающих займы друг другу свои функции: «Цель создания микрокосма человека заключалась в том, чтобы поддерживать его душу и жизнь. Жизнь человека пребывает в крови, а кровь – обиталище души. Чтобы найти, приготовить и сварить пищу для крови, работают руки, ходят ноги и носят на себе все наше тело, глаза всем управляют, сосание в шейке желудка, вызываемое небольшим количеством кисловатой желчи, напоминает о том, что

пора заморить червячка, и язык тогда пробует пищу, зубы жуют, желудок принимает, переваривает и превращает ее в млечный сок, брыжеечные вены всасывают все, что есть в ней хорошего и полезного, и отделяют экскременты, которые потом выталкивающая сила удаляет через особые проходы, а все годное по тем же брыжеечным венам поступает в печень, печень же снова преобразует пищу и превращает ее в кровь и т.д.». Хотя это длинное изъяснение и передается словами студента-недоучки Панурга, оно, на наш взгляд, отражает анатомо-физиологические представления самого врача Рабле, основанные на медицине Гиппократ и Галена. Эти представления были приобретены Рабле в медицинской школе Монпелье и служили ему в его профессиональной деятельности.

Однако врач и писатель Рабле неоднократно прибегает не только к серьезным и полусерьезным медицинским рассуждениям по поводу различных анатомических и физиологических явлений, но нередко дает волю и своим буйным творческим фантазиям. Вот как, в частности, он рассказывает историю родов Гаргамеллы и появления на свет малыша-гиганта Гаргантюа: «Одна мерзкая старушонка, слывшая за великую лекарку, дала Гаргамелле какого-то ужасного вяжущего средства, от которого у нее так сжались и стянулись кольцевидные мышцы, что вы бы их и зубами, пожалуй, не растянули. Из-за этого несчастного случая вены устья маточных артерий у роженицы расширились, и ребенок проскочил прямо в полую вену, а затем, взобравшись по диафрагме на высоту плеч, где вышеуказанная вена раздваивается, повернул налево и вылез в левое ухо» (кн. 1, гл. VI). Не меньше творческой фантазии и юмора Рабле проявляет при рассказе о последствиях употребления в пищу предками Пантагрюэля ягод кизила – гипертрофии их ног, стоп, носов, ушей, и особенно – органов размножения (кн. 2, гл. I). В частности, мужской половой орган в романе Рабле является особым объектом внимания и автора, и его персонажей как средоточие мужской производительной силы, играющей чрезвычайно важную роль в человеческой жизни. Поэтому Панург в VIII разделе книги 3 посвящает целую речь проблеме защиты мужских яичек, подкрепляя свои рассуждения ссылкой на Галена, утверждающего в первой книге трактата «О семени», что лучше не иметь сердца, чем не иметь детородных органов, ибо они содержат в себе, словно в некоем Ноевом ковчеге, залог долголетия

человеческой породы. В подкрепление этому Панург в главе XXVI этой же книги приводит пародированную форму хвалебной церковной службы, адресуя ее мужскому половому органу (в русском переводе – эвфемизм «блудодей»), поминая его 153 раза с неповторяющимися эпитетами (блудодей-лиходей, блудодей-чародей, блудодей-чудодей, блудодей плодовитый, блудодей мастеровитый и т.д.). Все это блудословие, которое звучит в кругу Пантагрюэля и его друзей в контексте дискуссии о проблеме женитьбы Панурга, обладающего внушительным производительным органом, вырастает до обсуждения будущей судьбы Панурга как достойного отца всей нации наравне с мифическими Гаргантюа и Пантагрюэлем. Не случайно в этом контексте звучит и в высшей мере положительное заключение врача Рондибилиса: «Панург хорошо сложен, уравновешенного нрава, наделен достаточным количеством соков, он в самой поре, так что его желание жениться вполне законно. Если только он встретит женщину соответствующего темперамента, то они произведут потомство, которому смело можно будет вверить любую заморскую монархию» (кн. 3, гл. XXXI). Персонаж Панург, как видим, пользуется немалой симпатией автора, и не случайно Панургу, имя которого буквально значит «берущийся за все» или «способный на все» (греческое *panúrgos*), автор в 30-й главе второй книги позволяет осуществить хирургическую операцию, неслыханную и для античной, и для постантичной медицины. Эта операция состояла в приживлении головы молодому учителю Пантагрюэля Эпистемону, которую тот потерял в сражении с великанами (кн.2, глава XXX).

А вот как в контексте серьезно-смехового взгляда на изображаемые события врач Рабле увязывает физиологическую проблему питания человека с его творческими рукотворными и интеллектуальными способностями в 57– 62 главах IV-й книги в рассказе о Гастере, правителе некоего острова в океане, имя которого в переводе с греческого обозначает «желудок», или «чрево». Смысл и цель существования Гастера соответствуют его названию, то есть заботе о наполнении желудка своих подданных пищей. Гастер – существо безухое и лишенное речи, которое объясняется только знаками. Тем не менее он, по утверждению автора романа, – первый в мире магистр наук и искусств. Это он изобрел все науки и искусства, все ремесла, все орудия, все

хитроумные приспособления, и все это, как резюмирует автор этого художественного вымысла, ради утробы, т. е. ради желудка. Служению желудку подчинены и два вида большеротых царедворцев Гастера – энгастриомифы (чревовещатели) и гастролатры (чревопоклонники), которые озабочены только тем, как бы не похудеть и не обидеть чрево. Пантагрюэль сравнивает их с циклопом Полифемом, который в сатировской драме Еврипида говорит так: «Я приношу жертвы только самому себе и моему чреву, величайшему из богов». Доминирование чревоугодия и культа еды в 59 главе 4-й книги очень напоминает сцены из пира Тримальхиона в «Сатириконе» Петрония [Петроний 1989: 147–175], причем не только по содержанию, но чисто стилистически. Вот как, подобно одному из гостей пира в «Сатириконе», кто-то из пантагрюэлистов рассказывает о следующем событии: «Мы все еще изучали наружность и ухватки большеротых этих гастролатров, как вдруг, к великому нашему изумлению, раздался мощный колокольный звон и тут все островитяне построились в некое шествие, во главе которого несли статую богини Жруньи и периодически преподносили ей еду в 122-х видах и различные виды вина». Сам же Гастер, при всем культе еды на его острове, питался только хлебом и хлебными изделиями. Но это человекообразное существо, согласно Рабле, славилось своим умом и изобретательностью по всей земле вплоть до родины пантагрюэлистов. Это Гастер изобрел кузнечное искусство и земледелие, военное искусство, оружие, медицину, астрологию и математические науки, мельницы, часы и циферблаты, повозки и тележки, баржи, галеры и корабли. Мало того, он изобрел способ вызывать с неба дождь, задерживать дождь и останавливать его или отводить тучи в сторону, прекращать град и укрощать бурю. Современному же читателю Рабле при знакомстве с феноменальным Гастером и его изобретательством прежде всего вспоминаются два античных выражения, которые объясняют изощренную изобретательность человека под воздействием прежде всего желудка – вестника голода: «*Magister artis venter*» (Желудок – учитель искусства) и «*Fames artium magistra*» (Голод – учитель искусств). В русском варианте эти мысли звучат как «Сознание приходит через желудок» и «Голод – учитель всех наук». В такой парадоксальной и комической форме, как видим, Рабле соединил

физиологический феномен питания человека с его духовной и творческой изобретательностью.

Удивительные технические и иные способности Гастера Рабле объясняет тем, что тот применяет знания о необычайной силе некоторых растений, описанных еще античными авторами. И здесь следует отметить, что Рабле на протяжении всего своего романа чрезвычайно внимательно и уважительно говорит о целебных растениях античности и своего времени, рассказывая, в частности, сколько времени уделял им Гаргантюа во время своего обучения (кн. 1, гл. XXIII). Но мало того, в четырех заключительных главах третьей книги он подробно рассказывает о целебных и иных замечательных свойствах травы некоего растения под названием «пантагрюэлион». Эта трава, как говорит автор, была названа пантагрюэлионом по сходству с самим Пантагрюэлем, который появился на свет таким же высоким, как и пантагрюэлион. Но это растение получило название также и за свою духовную связь с самим Пантагрюэлем и его благостными качествами. Ибо, как говорит автор романа, «сам Пантагрюэль представляет собой идею и образец наивысшей жизнерадостности, и в пантагрюэлизме я усматриваю столько животворных сил, столько энергии, столько совершенства, столько чудесных свойств, что в те времена, когда растения выбирали себе царя, пантагрюэлион получил бы подавляющее количество голосов» (кн.3, разд. LI). Но самое интересное – то, что, по словам Рабле, «при помощи этого растения невидимые существа нашего мира улавливаются, задерживаются и захватываются, и благодаря этому огромные и тяжелые жернова начинают легко вращаться к явной выгоде для рода человеческого. При помощи этого растения задерживаются воздушные волны и движутся громадные морские суда, благодаря ему народы Севера с легкостью могут посещать Юг земли и всю землю. И даже боги Олимпа пришли в ужас при мысли о том, что дети Пантагрюэля откроют и другие растения, обладающие не меньшей силой, чем пантагрюэлион, доберутся до неба и звезд и сами станут, как боги» (кн. 3, гл. LI). Эти слова, скрытые за полукомической фантазией их автора, обычно не становились объектом серьезного анализа филологов, и причиной этого может быть только тот факт, что, как определили исследователи, под именем пантагрюэлиона скрывается обыкновенная конопля (*Cannabis sativa*) [The Herb Pantagruelion].

Писатель и врач Рабле, любящий ссылаться на авторитет древних, в этом случае ничего не говорит об использовании конопли в античной и современной ему медицине. Само слово «каннабис», которым обычно называют специфические медицинские вещества, получаемые из листьев конопли, восходит к древнегреческому существительному *kánnabis*, но, по данным словаря Лидделла-Скотта [Liddell -Scott 1966: 874], в трактатах Гипократова сборника оно не встречается. Современные же ученые считают, что древние греки, в том числе и Гиппократ, знали о конопле, но не использовали ее в своей медицинской практике [Каратеев 2010: 72–79]. По крайней мере, еще в V веке до н.э. о конопле упоминает Геродот в четвертой книге своей истории, рассказывая о быте и обычаях скифов. Первый греческий ботаник Теофраст (IV век до н.э.) также знал это растение по названию *dendromalaché* (мальва древовидная), и он подробно описал его свойства. Плиний Старший (I в. н.э.) в 19-м и 20-м томах своей «Естественной истории» упоминает об использовании конопли как прядильного, пищевого и лекарственного растения. Он пишет, что конопляные семена являются хорошим средством для лечения запора у домашних животных, сок травы помогает от отита, а корень можно использовать в качестве припарок от боли в суставах, подагры и ожогов.

Педаний Диоскорид (I в. н.э.) в своём сочинении «*De materia medica*» («О лекарственных средствах») впервые кратко описал коноплю (кн. III, гл. 156 (166)): «Конопля посевная. Некоторые называют её каннабиум, другие – схенострофон (‘канатовертящая’) или астерион (‘звездообразная’). Растение, которое чрезвычайно полезно для изготовления прочнейших канатов. Имеет листья, похожие на ясеновые, с неприятным запахом, и круглые плоды, которые, будучи поедаемы в больших количествах, ведут к бесплодию. Закапать в уши сок зелёной конопли – хорошее средство от ушных болезней». О психотропных свойствах растения Диоскорид не упоминает [Bennett].

Можно предполагать, что врачи школы Монпелье, включая Рабле, имели определенную информацию о медицинских свойствах конопли благодаря полученным с Востока медицинским трактатам, но не рассматривали их как эффективное лекарственное средство.

Видимо, поэтому Рабле и приписывает себе и своему герою Пантагрюэлю его открытие, дает его подробное описание и считает чуть ли не новоявленной панацеей от всех недугов. Современной медицине известно, что в листьях конопли содержатся вещества каннабиноиды, которые способны оказывать обезболивающее, противовоспалительное, противорвотное, антиспастическое, антидепрессивное, анксиолитическое и другое полезное медицинское воздействие на организм человека. В то же время препараты конопли являются наркотиком: они могут вызывать привыкание и разнообразные психические нарушения. Поэтому в России, Беларуси и многих других странах применение любых препаратов конопли, в том числе с медицинскими целями, пока что запрещено [Каратеев 2010: 72–79].

При упоминании о болезнях в романе бросается в глаза то почтение, с которым Рабле относится к суждениям античных врачей или древних философов, делавших выводы о заболеваниях на основе своих умозаключений. В этом контексте приведем слова Эпистемона из главы XXXVII 4-й книги: «Меня просто потрясает необычная догадливость Пифагора: ведь на основании того, четное или нечетное число слогов заключает в себе имя человека, он определял, на какую ногу тот хромот, на какой глаз он крив, в какой стороне у него подагра, какая сторона у него парализована, в каком боку у него плеврит и прочие естественные заболевания». При этом Пантагрюэль добавляет, что «тем же самым пифагорейским способом мы можем определить, где у кого воспаление седалищного нерва, грыжа, мигрень». Полностью Рабле следует за античной традицией и в отношении лечения заболеваний рассудка: известный врач магистер Теодор по просьбе воспитателя Гаргантюа Панократа с помощью антикирийской чемерицы, средства от психических заболеваний, известного еще по трактатам Гиппократ, излечил больной (т.е. испорченный неправильным обучением) мозг Гаргантюа и заставил его забыть все, чему научили его прежние бестолковые учителя (кн. I, гл. III).

Задачу правильной оценки состояния здоровья человека врач Рабле, по примеру античных медиков и прежде всего Гиппократ, решает не только на основании картины внешнего образа человека, но и на основании оценки работы его внутренних органов и конечных продуктов их жизнедеятельности. В частности, в

трактатах «Об эпидемиях» Гиппократ придает очень большое значение качеству извержений, мочи, мокроты, рвоты у больных, которых он наблюдал (Гиппократ 1936: 166–390). Поэтому неудивительно, что Рабле уделяет столь много вопросам телесной жизни своих героев (совокупления, рождения, роста, еды, питья, испражнений). Все эти физиологические акты и процессы, имеющие первоочередное значение для существования каждого персонажа, одновременно являются предметом внимания медицины и представляющего ее врача и писателя, пишущего в стиле серьезно-смехового жанра. По мнению Михаила Бахтина, автора книги «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса», врач в представлениях Рабле постоянно пребывает на грани смехового и трагического, ибо он всегда имеет дело с телом рождающимся, становящимся, беременным, рожающим, испражняющимся, больным, умирающим, расчленяемым на части, но врач должен ко всему увиденному во время лечения относиться серьезно. И не случайно М. Бахтин здесь же приводит слова Рабле, в которых дается образное определение медицинской практики: «И правда, у Гиппократа мы находим чрезвычайно меткое сравнение врачебной практики с битвой и фарсом, в которых принимают участие три действующих лица: больной, врач и болезнь» [Бахтин 1990: 198–199].

Однако совершенно серьезно Рабле подходит к вопросу об облике врача и стилю его общения с больным. Об этом, в частности, свидетельствует его введение к 4-й книге романа, адресованное кардиналу Шатильонскому. Он пишет о надлежащем облике врача, о чем, по его словам, говорили Гиппократ, Соран Эфесский, Орибасий, Клавдий Гален и другие античные врачи: «Все они определили, какие у врача должны быть движения, осанка, взгляд, наружность, манера держать себя, обхождение, приличия, одежда, борода, прическа, руки, рот, – словом, расписали все вплоть до ногтей». Но в любом случае, согласно Рабле, у врача должны быть те внешние качества, которые привлекают больного и внушают ему надежду на исцеление. «Как говорит Гиппократ, – пишет он, – врач с физиономией мрачной, угрюмой, отталкивающей, неприветливой, недовольной, сердитой, хмурой огорчает больного, врач же с лицом веселым, безмятежным, приветливым, открытым, улыбающимся радуется его и способствует его выздоровлению». Во втором

предисловии к этой же книге, адресованной читателям, Рабле подчеркивает, что каждый врач должен следить за своим здоровьем, ибо если он этого не соблюдает, то к нему всегда должно применяться с едкой саркастичностью пожелание из Евангелия от Луки: «Врач! Исцели самого себя!» (Лука 4: 23). Для усиления сказанного он приводит в пример поведения врача Клавдия Галена, который всегда следил за своим здоровьем из боязни подвергнуться колким насмешкам, подобно следующей: «Ты врачевать желаешь род людской, / А сам покрыт вонючею паршой». И поэтому Гален имеет право утверждать в своих медицинских трактатах, говорит Рабле, что он до глубокой старости пребывал в добром здравии, хотя на самом-то деле он не отличался особенно крепким здоровьем и желудок у него был не очень-то важный. Но он всегда говорил, что «трудно допустить, чтобы врач был внимателен к здоровью других, коль скоро он не заботится о своем собственном». И дальше Рабле приводит слова Арифрона Сикионского, греческого поэта VI в. н.э.: «Без здоровья жизнь не есть жизнь, не есть жизнь живая»: *ábios bios, bios abíotos*. А ключ к здоровью, считает Рабле вслед за античными философами и поэтами – это умеренность и воздержанность во всем: и в желаниях, и поступках. Не зря Плиний Старший говорил: «*Intemperantia est medicorum nutrix*» – «Невоздержанность человеческая – это кормилица врачей». Поэтому и советует Рабле читателям в предисловии к пятой книге своего романа: «Да будут желания ваши умеренны, и умеренность вас отблагодарит, особенно если будете не ленивы, а трудолюбивы».

Таким образом, античные представления о строении тела человека и его физиологии, о врачевании, о средствах врачевания и об облике и поведении врача, отраженные в сочинениях древнегреческих медиков, и прежде всего у Гиппократ и Галена, послужили образцом для Рабле и нашли непосредственное отражение и в художественной действительности его романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». При этом автор соединяет эти медицинские представления с собственным творческим методом смехового и серьезно-смехового изображения человека и действительности, причем истоки и основы этого метода тоже отчетливо просматриваются в сочинениях античных писателей, философов и врачей.

Литература

- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит-ра, 1990. – 543 с.
- Гален К. Сочинения: В 5 т. / К. Гален. – Т.1. – М.: Весть, 2014. – 656 с.
- Гиппократ. Избранные книги / Гиппократ; пер. с греч. проф. В.И. Руднева; вступ. слово и примеч. проф. В.П. Карпова. – М.: Государственное издание биологической и медицинской дитературы, 1936. – С. 166–390.
- Гомер. Илиада / Гомер; пер. с древнегреч. Н. Гнедича. – М.: Художественная литература, 1986. – 384 с.
- Каратеев А.Е. Запретный плод: каннабиноиды в ревматологической практике / А.Е. Каратеев // Научно-практическая ревматология. – 2010. – № 6. – С. 72–79.
- Ковнер С. Очерки истории медицины. Вып. 2. Гипократ / С. Ковнер. – Киев: Изд. И. Завадского, 1883. – 546 с.
- Петроний. Сатирикон / Петроний; пер. А. Гаврилова // Римская сатира / Сост. и науч. подгот. текста М. Гаспарова. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 147–175.
- Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. / Ф. Рабле; пер. с фр. Н.М. Любимова. – М.: Правда, 1991. – 766 с.
- Bennett C. Cannabis in Ancient Greece [Электронный ресурс] / C. Bennett. – URL: <https://thedelphiguide.com/cannabis-in-ancient-greece>
- Faculté de médecine de Montpellier [Электронный ресурс]. – URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Facult%C3%A9_de_m%C3%A9decine_de_Montpellier
- Liddell H.G. A Greek-English Lexicon / H.G. Liddell, R. Scott. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 2042 p.
- Lote G. La vie et l'oeuvre de François Rabelais / G. Lote. – Paris: E. Droz, 1938. – 574 p.
- Medical Cannabis in Ancient Greece & Rome [Электронный ресурс]. – URL: <https://chdweb.org/mtdical-cannabis-guide/medical-cannabis-ancient-greece-rome>
- The Herb Pantagruelion [Электронный ресурс]. – URL: https://www-pantagruelion-com.translate.goog/490162/?_x_tr_sl=fr&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Кафедра латинского языка и медицинской терминологии

КЛАССИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ

В СОВРЕМЕННОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Выпуск 2

Сборник статей

Казань – 2024